

БАЛЛАДА В. ВОРДСВОРТА «WE ARE SEVEN» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1830 – 1840-Х ГГ. (И.И. КОЗЛОВ, Е.К. <Е.Ф. КОРШ>, Я.К. ГРОТ)*

Аннотация. В статье осуществлен сопоставительный анализ трех русских переводов баллады В. Вордсворта «We are Seven» («Нас семеро», 1798), выполненных в 1830 – 1840-х гг. И.И. Козловым, Е.К. <Е.Ф. Коршем>, Я.К. Гротом. Отмечая общее стремление всех переводчиков адаптировать оригинальное произведение английского автора к российской действительности, авторы статьи вместе с тем приходят к выводу, что только И.И. Козлову удалось максимально полно передать внутреннюю атмосферу английского подлинника; перевод Корша характеризуется наличием произвольно добавленных художественных деталей, чуждых духу первоисточника, а перевод Грота, ориентированный на детскую аудиторию, – избирательным подбором лексико-грамматических средств.

Ключевые слова: В. Вордсворт, русско-английские литературные связи, поэзия, баллада, художественный перевод, традиция.

D. Zhatkin, A. Ryabova

Penza State Technological Academy

W. WORDSWORTH'S BALLAD «WE ARE SEVEN» IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE 1830 – 1840-S (I.I. KOZLOV, E.K. <E.F. KORSH>, YA.K. GROT)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the three Russian translations of W. Wordsworth's ballad «We are Seven» (1798), created by I.I. Kozlov, E.K. <E.F. Korsh>, Ya.K. Grot in the 1830 – 1840-s. Noting the tendency of all Russian translators to adapt the English poet's original to the Russian reality, the authors of the article at the same time come to the conclusion that only Kozlov was successful while recreating the inner atmosphere of the English original as full as possible; Korsh's interpretation is characterized by extraneous to the spirit of the original literary details added at the translator's own choosing and Grot's children-oriented translation – by selective

choice of lexical and grammatical means.

Key words: W. Wordsworth, Russian-English literary relations, poetry, ballad, literary translation, tradition.

Одна из самых знаменитых баллад В. Вордсворта «We are Seven» («Нас семеро»), вызвавшая немало суровых и иронических оценок в литературных кругах XIX в., была написана в Альфоксдене в 1798 г. Девочку, героиню произведения, английский поэт повстречал еще в 1793 г. возле замка Гудрич, когда, посетив во время путешествия из Альфоксдена в Лентон в сопровождении своей сестры Дороти и друга С.-Т.Кольриджа остров Уайт и долину Сейлсбери, продолжал свой путь вверх по течению реки Уай.

Интересен тот факт, что сначала Вордсворт написал последний стих первой строфы, и, только когда стихотворение было почти закончено, он вернулся к его началу, обратившись за помощью к Кольриджу, чей вариант с небольшими изменениями Вордсворта и открывает балладу: «A simple child, dear brother Jim, / That lightly draws its breath, / And feels its life in every limb, / What should it know of death?» [1] [Простодушное дитя, дорогой брат Джим, / Которое дышит легко / И живет каждой клеточкой, / Тебе ль о смерти знать?].

Большая часть произведения (за исключением первых трех стрóf) представляет собой диалог лирического героя и встреченной им девочки, которая упрямо утверждала, что в ее семье семеро детей, хотя двое из них к тому времени уже умерли. Акценты, расставленные Вордсвортом, позволили многим современным критикам утверждать, что баллада стала символом идейного и художественного падения поэта, который, в свою очередь, обвинялся в проповеди смирения, апологии детского мировосприятия и чрезмерной увлеченности проблемами загробной жизни. Однако при непредвзятом восприятии нетрудно заметить, что поэта «волнует не столько вопрос о загробной жизни, сколько различие двух сознаний: логически-рассудочного, трезвого сознания взрослого и наив-

* Жаткин Д.Н., Рябова А.А.

Статья подготовлена по проекту 2010-1.3.1-303-016-005(10) мероприятия 1.3.1 «Проведение научных исследований молодыми учеными кандидатами наук» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

но-мифологического, интуитивного детского сознания, которому свойственна не столько мистика, религиозность, сколько непосредственно-чувственная предметность» [2]. Восприятию девочки душа и тело человека не существуют отдельно друг от друга, более того, она не может понять смерти как уничтожения однажды возникшей жизни. Следовательно, умереть для нее значит уйти, переместиться в пространстве, но не измениться качественно, не разорвать своих связей с миром живых; для нее нет разницы между отплытием братьев на корабле или отъездом в город и уходом брата и сестры в могилу. Удивляясь упорству девочки, автор вместе с тем всем эмоциональным настроением стихотворения вносил оттенок сожаления, обусловленный тем, что сам он уже не может разделить искренней детской веры. По наблюдению И.Г. Гусманова, именно в этом и состояла «тоска романтика по утраченной цельности мировосприятия» [3].

Поэтическая сила баллады английского поэта объясняется гармонией ее содержания и формы: простота, естественность маленькой героини с ее светлым взглядом, непосредственностью, привязанностью к природе, кладбищу, дому, с ее любовью к близким и верой в бессмертие этой любви подчеркнуты безыскусностью и непритязательностью стиха Вордсворта. Вероятно, английский поэт сознательно использовал неполную рифмовку четверостиший в духе народной баллады, избегая внутренних рифм. И только один раз, в момент кульминации, в десятой строфе, когда девочка, потеряв терпение, с искренним недоумением объясняла взрослому, что умершие брат и сестра никуда не делись, что они рядом, поэт употреблял внутреннюю рифму: «Their graves are green, they may be seen» (р. 4) [Их могилы зелены, их можно видеть]. Затем внезапно напряжение исчезало, девочка спокойно рассказывала о своей жизни, – и только в последних словах поэта возникала характерная нота отчаяния и восхищения, поскольку становилось ясно, что девочку не удастся переубедить.

Баллада Вордсворта, вызвавшая интерес русских поэтов и переводчиков XIX в., была в 1832 г. переведена поэтом И.И. Козловым и опубликована в книге «Собрание стихотворений Ивана Козлова» (СПб., 1833). Перевод Козлова близок английскому оригиналу образностью, характерными интонациями, формой построения и сохранением размера и общего количества стихов; немногочисленные изменения, внесенные в текст пере-

водчиком, несущественны и в целом не изменяют основной идеи произведения. В 1835 г. в «Библиотеке для чтения» (Т. XXIV. – С. 76–79) за подписью «Е.К.» был напечатан перевод «Нас семеро. We are seven Вордсворта», в котором, отойдя от оригинала, интерпретатор поделил стихотворение на пять смысловых частей (вступление, описание девочки, разговор незнакомца и ребенка, рассказ о смерти брата и сестры, заключение), а также сократил два стиха, оборвав шестую и четырнадцатую строфы. Под псевдонимом Е.К. в «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского в 1834 г. публиковался начинающий литератор Евгений Федорович Корш, владевший английским, немецким и французским языками, в 1829 – 1832 гг. работавший переводчиком на Кронштадтской таможне, а с 1832 по 1835 г. занимавший должность секретаря генерала-гидрографа Главного морского штаба. И.Ф. Масанов, атрибутировавший в своем словаре этот псевдоним [4], также указывал, что составителями тома «Литературного наследия», посвященного И.-В. Гете, псевдоним и публикации под ним в «Библиотеке для чтения» ошибочно приписывались Елизавете Алексеевне Карлгоф-Драшусовой [5], имевшей публикации за подписью Е.К. в «Современнике» за 1844 г. [6].

Английская баллада была также интерпретирована молодым Я.К. Гротом, впоследствии видным ученым-литературоведом, опубликовавшим свой перевод, ориентированный на детскую аудиторию, в журнале «Звездочка» (1843, ч. 6), издававшемся А.О. Ишимовой, а затем включившим его в свой сборник «Стихи и проза для детей», вышедший в Санкт-Петербурге в 1891 г. Направленность перевода на юного читателя была ощутима в подборе лексики, образительно-выразительных средств, однако при этом нисколько не нарушила принципиального для Я.К. Грота формального соответствия оригиналу в метрике, рифме и даже в общем количестве стихов (шестьдесят девять).

Особо ценимая всеми поэтами «озерной школы», в том числе и Вордсвортом, «простота» («a simple child») передана в интерпретациях Козлова и Корша как ощущение легкости и безграничной жизненной силы, присущее мировосприятию ребенка: «Легко радужное дитя / Привыкшее дышать, / Здоровьем, жизнью цветя, / Как может смерть понять?» (И.И. Козлов; [7]) – «Ребенку так легко дышать на свете! / Он жизни полон, – и зачем ему / О смерти знать? Нет, мысли эти /

Несродны детскому уму» (Е.К. <Е.Ф. Корш>; [8]); в переводе Грота простота отождествлена со счастьем, беззаботностью, игривостью: «...Как счастливо дитя! / Как беззаботно, как резво! / В нем жизнь играет и кипит; / Смерть непонятна для него» [9]. Из всех русских переводчиков только Козлов относительно точно указал возраст девочки, которой, согласно английскому оригиналу, было восемь лет: «She was eight years old, she said» (р. 3) [Ей было восемь лет, она сказала] – «Лет восемь было ей» (с. 211); в других интерпретациях девочка оказывалась моложе: Корш утверждал, что ей семь лет («Семь лет ей, по ее словам» (с. 77)), Грот – что ей нет и семи («Ей был седьмой лишь год» (с. 29)).

При создании портрета юной героини Вордсворт уделил основное внимание ее густым кудрявым волосам («Her hair was thick with many a curl / That cluster'd round her head» (р. 3) [Ее волосы были густы со множеством кудряшек, / Которые вились вокруг головы]) и выразительным глазам («Her eyes were fair, and very fair; / – Her beauty made me glad» (р. 3) [Ее глаза были красивые, очень красивые, / Ее красота обрадовала меня]). Козлов добивался особой теплоты описания с помощью уместного употребления уменьшительно-ласкательной лексики («головка», «малютка»), а также замены «красивых глаз» («eyes <...> fair») «красивым взглядом»: «Ее головку облегла / Струя густых кудрей / <...> / И радовал меня красой / Малютки милой взгляд» (с. 211). Корш, восторженно характеризовавший густые кудри героини и ее «глазки, чудо красоты», вносил в перевод упоминание о плечах, на которые ниспадают волосы («Дивлюсь густым ее кудрям, / Волнами вьющимся на плечи!» (с. 77)), а затем делал не соответствующий оригиналу решительный вывод: «Все в этой девочке отрада» (с. 78). Грот, наряду с кудрявыми волосами и «яркими глазами», отмечал румяность лица девочки и сравнивал ее прелесть с прелестью ангела: «Как ангел, прелести полна. / У ней кудрявы волоса, / Румяно личико у ней, / И что за яркие глаза! / От них мне стало веселей!» (с. 29).

В результате существенной переработки начало третьей строфы английского оригинала, характеризовавшее носившую растрепанную одежду девочку как жительницу глухой деревни, расположенной среди лесов («She had a rustic, woodland air, / And she was wildly clad» (р. 3) [У нее был вид жителя деревни, расположенной в лесистой местности, / Она

была в растрепанной одежде]) получило в переводе Козлова иное звучание – его героиня живет в степи, у нее дикий вид и дикий простой наряд: «И дик был вид ее степной, / И дик простой наряд» (с. 211). Перемещая место действия из лесистой местности в степь, переводчик несколько русифицировал текст, поскольку, как известно, в Англии нет степей; вместе с тем подчеркивались незаурядность, оригинальность, самобытность героини, дочери степей, подобной романтическим цыганкам из произведений современников Козлова. Корш, опустив упоминание о лесистой местности, акцентировал внимание на различиях городского и более простого сельского образов жизни, сказавшихся на внешнем виде девочки, придавших «дикую странность» ее наряду: «Простые, сельские черты, / И странность дикая наряда» (с. 77). Более других отклонился от английского оригинала Грот, который свел весь фрагмент к краткому сообщению о бедном платье героини, взятому, к тому же, в скобки с целью подчеркнуть всю его незначительность по сравнению с очарованием ребенка: «<...> она / (Хоть в бедном платье) была <...>» (с. 30).

Особенностью перевода Грота стало использование многочисленных восклицательных синтаксических конструкций, призванных показать восхищение автора красотой и непосредственностью ребенка («...Как счастливо дитя!»; «Как беззаботно, как резво!»; «И что за яркие глаза!» (с. 29)). В оригинале Вордсворта и в переводе Козлова таких предложений нет; побудительные конструкции у Корша несколько искусственны, хотя и выполняют функцию акцентировки внимания на пафосности описания: «Ребенку так легко дышать на свете!» (с. 77); «Дивлюсь густым ее кудрям, / Волнами вьющимся на плечи!» (с. 77).

Если у Вордсворта используется, по сути, одно обращение к девочке – «little (sweet) Maid (Maiden)» («малютка», «милашка»), то набор обращений в интерпретации Грота чрезвычайно широк: «крошка», «малютка», «душенька», «светик», «мой друг». Козлов, не склонный к обращениям, лишь однажды называет девочку «дружком»; в переводе Корша использовано обращение «вострушка», подчеркивающее смысленность девочки, и шаблонизированные инверсивные обороты «душа моя» и «друг мой». В свою очередь девочка в балладе Вордсворта называла незнакомого собеседника «сэром» («Sir») и «хозяином / господином» («Master»), что было трансфор-

мировано русскими интерпретаторами в русифицированное «барин» (И.И. Козлов, Е.Ф. Корш) и «сударь» (Я.К. Грот).

Упомянутый Вордсвортом в пятой и седьмой строфах порт Конуэй («Conway»), находящийся в Северном Уэльсе («And two of us at Conway dwell / <...> / <...> two at Conway dwell» (р. 3) [(И) двое в <порте> Конуэй живут]), стал в русских интерпретациях селом («Нас двое жить пошли в село / <...> / Двое жить в село пошли» (И.И. Козлов; с. 211)) или городом без определенного названия («<...> двое в городе <...> / <...> / Да двое в городе живут» (Е.К. <Е.Ф. Корш>; с. 78)). Грот вообще не упоминает ни про село, ни про город, более того, почему-то решает, что вордсвортовская героиня имеет в виду двух братьев, хотя в реальности нигде не говорится, братья это или сестры: «Живут два братца у родни / <...> / Два у родни, ты говоришь» (с. 30).

Неопределенное дерево на кладбище («the church-yard tree») из восьмой строфы английского оригинала в интерпретации Козлова становится ивой («Здесь на кладбище двое нас / Под ивою в земле» (с. 212)), в переводе Корша – ясенями («В земле, под купою ясеней» (с. 78)), у Грота – березой; кстати, в восьмой строфе перевода Грота дерево вообще не называется, а захоронение оказывается расположенным не на кладбище, а у хижины («Они близ хижины лежат» (с. 30)), и только в одиннадцатой строфе появляется упоминание о березе («Там под березкой я сижу» (с. 31)). Расстояние от дома матери до детских могил, определенное в десятой строфе вордсвортовской баллады как «дюжина шагов или больше» («twelve steps or more»), было сокращено Козловым до десяти («И десяти шагов / Нет от дверей родной моей» (с. 212)), Коршем и Гротом – до пяти шагов, причем у последнего из переводчиков – не от дома, а от дороги: «За хижинкой шагов пяток назад» (Е.К. <Е.Ф. Корш>; с. 78) и «Вон от пути шагах в пяти» (Я.К. Грот; с. 30).

Вероятно, Грот был знаком с переводом Козлова, на что указывает предельная близость интерпретации одиннадцатой строфы: «My stockings there I often knit, / My 'kerchief there I hem, / And there upon the ground I sit – / I sit and sing to them» (р. 4) [Чулки там я часто вяжу, / Платок там я подрубаю, / И там на земле я сижу – / Я сижу и пою им] – «Я часто здесь чулки вяжу, / Платок мой здесь рублю, / И подле их могил сижу, / И песни им пою» (И.И. Козлов; с. 212) – «Там часто я чулок вяжу, / Или платочек свой рублю; /

Там под березкой я сижу / И братцам песенки пою» (Я.К. Грот; с. 30 – 31). Впрочем, Грот привнес в свой перевод упоминание о березе и замечание об умерших «братцах», неверное по отношению к оригиналу, согласно которому на кладбище похоронены брат и сестра героини («My sister and my brother» (р. 3)). В переводе Корша дополнительно названо такое занятие девочки, как шитье нарядов для куклы, а также показаны неожиданные чувства героини, ощущающей себя «как в раю», находясь подле умерших брата и сестры: «И я хожу туда вязать чулочек, / Для куклы шить или рубить платочек. / На травке сидя как в раю, / Для них я песенки пою» (с. 78). Ужин героини, охарактеризованный Вордсвортом в двенадцатой строфе как «маленькая миска» («little porringer»), представлен в русском переводе Козлова как «сыр и хлеб», а в других интерпретациях не упомянут вовсе.

Если в английском оригинале практически ничего не говорится о летних занятиях героини возле родственных могил и при этом утверждается, что она «бегала и каталась» («would run and slide») около них зимой («So in the church-yard she was laid; / And when the grass was dry, / Together round her grave we played, / My brother John and I. / And when the ground was white with snow, / And I would run and slide, / My brother John was forced to go, / And he lies by her side» (р. 4 – 5) [И положили ее на кладбище; / И когда трава была сухая, / Вместе у ее могилы мы играли, / Мой брат Джон и я. / И когда земля стала бела от снега, / И я бегала и каталась, / Моему брату Джону пришлось уйти, / И он лежит рядом с ней]), то в переводе Грота, напротив, ничего не упомянуто о зимних увлечениях девочки, но рассказано, как летом возле могил она рвала цветы и плела венки: «Зарыли гроб ее; над ним / Цветочки после я рвала, / И с братом маленьким моим / Все лето там венки плела. / Пришла зима: уж брат не мог / Играть по-прежнему со мной; / Закрыв глаза и в гробик лег, / И спит он также под землей» (с. 31).

Грот не переводит имени умершего брата девочки Джона (John), хотя имя ее сестры Jane у него переведено как «Дженни». Козлов упоминает и несчастную «малютку Дженни», и внезапно умершего Джона: «Когда же ее мы погребли / И расцвела земля – / К ней на могилку мы пришли / Резвиться, Джон и я. / Но только дождалась зимой / Коньков я и саней, / Ушел и Джон, братишка мой, / И лег он рядом с ней» (с. 212). Корш вообще не называет имен детей, достаточно равномерно

представляя их летние увлечения (игры) и зимние забавы («катанья»): «На кладбище ее зарыли. / Все лето с братцем мы ходили / К ней над могилкою играть; / Вот стал и снег уж выпадать, / Уж начались и катанья, – / Брат захворал – и, без страданья, / Он рядышком с сестрицей лег» (с. 79).

В финале баллады Вордсворт противопоставляет понимание смерти взрослым и ребенком, прибегая к повтору, показывающему осознание взрослым своей правоты («But they are dead; those two are dead!» (р. 5) [Но они мертвы; те двое мертвы!]), и дополнению последнего из семнадцати четверостиший дополнительным пятым стихом: «And said, Nay, we are seven!» (р. 5) [И сказала: «Нет, нас семеро!»]. Характерный прием повтора в первом стихе заключительной строфы не нашел отклика в русских переводах, однако Козлов все же использовал повтор – в добавленном к последнему четверостишию стихе: «О нет, нас семь, нас семь!» (с. 212). Корш прибегнул к построению конструкции с двумя отрицаниями, пользуясь тем обстоятельством, что в русском языке, в отличие от английского, в предложении может быть больше одного отрицания: «И ей казалось очень ясно, / Что жить нельзя не всемером!» (с. 79). В переводе Корша поведение девочки представлено непонятным не только для случайного собеседника, но и для матери: в двенадцатой строфе, расширенной за счет сокращения строфы восьмой, имеется не соответствующий английскому оригиналу стих «Хоть маменьке не по нутру» (с. 79), показывающий чуждость для матери поведений девочки на кладбище в гости к умершим. Пожалуй, только в переводе Грота последний стих передан максимально близко вордсвортовскому оригиналу: «И все твердила: Нет, нас семь!» (с. 32).

Проведенное сравнение баллады Вордсворта «We are Seven» и ее русских интерпретаций показывает стремление всех переводчи-

ков адаптировать оригинальное произведение английского автора к российской действительности посредством активного использования вариативных лексических возможностей русского языка. Тем не менее Козлов максимально полно передал внутреннюю атмосферу английского подлинника, тогда как у Корша можно видеть отдельные произвольно добавленные художественные детали, чуждые духу первоисточника. Отступления от оригинала в интерпретации Грота связаны, в основном, с ее ориентацией на детскую аудиторию, требовавшей избирательного подбора лексико-грамматических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Wordsworth W. We are Seven // The Golden Treasury of the Best Songs and Lyrical Poems in the English Language. – London: Oxford University Press, 1934. – Р. 3. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
2. Гусманов И.Г. Лирика английского романтизма. – Орел: Изд-во Орловского государственного педагогического университета, 1995. – С. 31.
3. Там же. – С. 32.
4. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подгот. к печати Ю.И.Масанов; ред. Б.П.Козьмин. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956. – Т. 1. – С. 359.
5. Литературное наследство. – Т. 4 – 6. [Гете] / Под ред. И.С. Зильберштейна. – М.: Журн.-газ. объединение, 1932. – С. 1001 – 1002.
6. Масанов И.Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 358.
7. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 211. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
8. Е.К. <Корш Е.Ф.> Нас семеро. We are seven Вордсворта // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. XXIV. – С. 77. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
9. Грот Я.К. Стихи и проза для детей. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1891. – С. 29. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).